Кольридж

Кристабель

PETROPOLIS

Настоящее издание отпечатано в количестве пятисот нумерованных экземпляров. Из них сто римской нумерации в продажу не поступает.

Экземпляр № 14

КРИСТАБЕЛЬ

КОЛЬРИДЖ
1921

КОЛЬРИДЖ

Кристабель

перевод
Георгия Иванова
рисунки
Д. Митрохина

„Петрополис"
1923

Д.М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над башней замка полночь глуха
И совиный стон разбудил петуха.
Ту-ху! Ту-уит!
И снова пенье петуха,
Как сонно он кричит!

Сер Леолайн, знатный барон,
Старую суку имеет он.
Из своей конуры меж скал и кустов
Она отвечает бою часов,
Четыре четверти, полный час,
Она завывает шестнадцать раз.
Говорят, что саван видит она,
В котором леди погребена.

Ночь холодна ли и темна?
Ночь холодна, но не темна.
Серая туча в небе висит,
Но небосвод сквозь нее сквозит.
Хотя полнолунье, но луна
Мала за тучей и темна.
Ночь холодна, сер небосвод,
Еще через месяц — маю черед,
Так медленно весна идет.

Кто леди Кристабель милей?
Ее отец, так нежен с ней!
Куда же она так поздно идет
Вдали от замковых ворот?
Всю ночь вчера средь грез ночных
Ей снился рыцарь, ее жених,
И хочет она в лесу ночном,
В разлуке с ним, помолиться о нем.

Брела в безмолвии она,
И был ее чуть слышен вздох,
На голом дубе была зелена
Одна омела, да редкий мох.
Став на колени в лесной глуши,
Она молилась от всей души.

Но поднялась тревожно вдруг
Прекрасная леди Кристабель —

Она услышала странный звук,
Неслыханный ею нигде досель,
Как будто стоны близко слышны
За старым дубом, с той стороны.

Ночь холодна, лес обнажен:
Может быть это ветра стон?
Нет, даже легкий ветерок
Не повеет сегодня среди ракит,
Не сдунет локона с милых щек,
Не шелохнет, не закружит
Последний красный лист, всегда
Готовый плясать туда, сюда,
Так слабо подвешенный, так легко
На верхней ветке, там, высоко.

Чу! бьется сердце у ней в груди —
Святая Дева ее пощади!
Руки с мольбой сложив под плащом,
Обходит дуб она кругом,
Что же видит она?

Юная дева прелестна на вид
В белом шелковом платье сидит.
Платье блестит в лучах луны,
Ее шея и плечи обнажены,
От них ее платье еще бледней.
Она сидит на земле боса,

И дикие звезды цветных камней
Блестят, запутаны в ее волоса.

Конечно страшно лицом к лицу
Было девушке встретить в ночном лесу
Такую страшную красу.

— Помоги, Богоматерь, мне с высоты
(Говорит Кристабель), но кто-же ты?

Сказала ей дама такие слова,
И голос ее звучал едва:
„О, пусть тебя тронет моя судьба,
Я с трудом говорю, я так слаба.
Протяни мне руку, не бойся, о нет...“
Кристабель спросила, откуда она
И так сказала ей дама в ответ,
И была ее речь едва слышна:

„Мой отец издалека ведет свой род,
Меня Джеральдиной он зовет.
Пятеро воинов вчера среди дня
Схватили беззащитную деву, меня.
Они заглушили мой крик и плач,
Прикрутили к коню жесткой уздой,
Несся конь, как ветер степной,
И сзади они летели вскачь.
Они пришпоривали злобно коней,
Мы пересекли ночную тьму.

Я, Господь свидетель тому,
Никогда не знала этих людей.
Не помню времени я и пути
(Я лежала без чувств), пока меня
Самый высокий и злой из пяти
Не снял, наконец, со спины коня.

Едва живой я была тогда,
Но помню споры его друзей,
Он меня положил средь корней
И клятву дал вернуться сюда.
Куда они скрылись не могу сказать:
Недавно послышался здесь в тишине
Как будто звон колокольный мне,
О помоги же несчастной бежать
(Сказала она), дай руку мне.“

Тогда белокурую Джеральдину утешать
Стала Кристабель: „О не бойтесь ничего,
Прекрасная леди, вы можете располагать
Домом благородного отца моего.
Он с радостью даст охрану вам,
Отборных рыцарей с вами пошлет
И будет честью его друзьям
Вас провожать до отцовских ворот.“

Они пошли, их страх торопил,
Но быстро идти не было сил

(О леди, счастлива ваша звезда!)
И так Кристабель сказала тогда:
„Все наши домашние спят давно
И в залах, и в горницах — всюду темно.
Сэр Леолайн здоровьем слаб
И я его разбудить не могла б.
Но мы проберемся, словно тайком,
И если позволите, то проведем
Ночь эту рядом, на ложе одном.“

Они миновали ров, и вот
Маленький ключ Кристабель достает,
Узкая калитка легко отворена,
Как раз посредине ворот она,
Ворот, которые железом блестят,
В них может проехать целый отряд.
Должно быть от боли, леди легла,
И вот Кристабель ее подняла
И на руках, — кто б думать мог, —
Перенесла через порог.
Но едва миновали порог ворот,
Словно не было боли, леди встает.

Далеко опасность, далеко страх,
Счастье сияло в их глазах.
Кристабель свой взор к небесам подняла
И спутнице так сказала своей:
„Тебя Пресвятая Дева спасла,

Вознесем же мы благодарность к Ней."
„Увы! Увы! — Джеральдина в ответ,
У меня для этого силы нет."
Далеко опасность, далеко страх,
Счастье сияло в их глазах!

Старая сука пред своей конурой
Глубоко спит под холодной луной.
Она не шевельнулась, она спала,
Но жалобный вздох она издала
И что ее потревожить могло?
Она никогда не вздыхала досель,
Когда приближалась к ней Кристабель,
Быть может крик совы донесло,
Ибо, что ее потревожить могло?

Очень легко ступали они,
Но эхо повторяло шаг.
В высокой зале тлел очаг,
Уже умирали в нем головни,
Но когда проходила леди — сильней
Вспыхнули вдруг языки огней,
Кристабель увидела леди глаз
На миг, пока огонь не погас.
Только это, да старый щит,
Что в нише на стене висит.
„О, тише ступайте, — сказала она, —
Отец пробудится от сна!"

Кристабель разулась, легкой стопой,
Боясь потревожить замка покой,
Они со ступени крадутся на ступень,
То сквозь мерцанье, то сквозь тень.
Идут мимо спальни, где спит барон,
Тихи, как смерть, не проснулся б он.
Но вот и дверь в ее покой,
Но вот Джеральдина коснулась ногой
Камышевых матов комнаты той.

В небе луна светит темно,
Ее лучи минуют окно,
Но и без бледных лучей луны
Резьбой покрытые стены видны.
Изваяния нежно пленяют глаз
И странен их прихотливый строй,
Для девичьей спальни они как раз.
И лампу с серебряной цепью двойной
Держит ангел легкой рукой.

Серебряная лампа — луны темней,
Но лампу эту Кристабель берет,
Прибавляет огня и, вспыхнув сильней,
Лампа качается взад и вперед.
Что с Джеральдиной? Совсем бледна,
Опустилась на пол без сил она.

„Леди Джеральдина, это вино
Вас подкрепит — выпейте скорей,
Из диких целебных трав оно
Было приготовлено матерью моей.“

„Но будет ли рада меня приласкать,
Погибшую деву, ваша мать?“
„Горе мне! — Кристабель в ответ, —
У меня с рожденья матери нет.
Седой монах рассказывал раз,
Что мать моя в предсмертный час
Говорила, что будет слышен ей
Полночный звон в день свадьбы моей.
Ах, если бы мать пришла сквозь мрак!“
Джеральдина сказала: „Ах, если б так!“

Но сейчас же глухо вскричала она:
„Прочь скиталица-мать! Ты здесь не нужна!
У меня есть власть сильнее твоей.“
Джеральдина бедная — увы, что с ней?
Почему так странно она глядит,
Или мертвую видит во тьме ночной?
Почему так глухо она кричит:
„Прочь, женщина, прочь, час этот мой!
Хотя ты и ангел хранитель ее
Прочь, женщина, прочь, здесь все мое!“

Тогда Кристабель к ней подошла,
И синие очи к небесам подняла.
„Этой страшной скачкой верхом, увы,
Дорогая леди, измучены вы!“
Джеральдина рукой отерла чело
И сказала тихо: „Теперь прошло“.

Джеральдина вина выпила вновь:
На ее щеках заиграла кровь
И тотчас с пола встала она
Вновь гордая леди, высока и стройна,
И, словно дама страны неземной
Она была прекрасна собой.

Сказала она: „Кристабель, за вас
Молятся ангелы каждый час
И вы непорочным сердцем своим
Отвечаете нежной любовью им.
За ваше добро заплатить вдвойне,
Прелестная дева, хочется мне.
Хотя так беспомощна я, увы,
Но теперь дитя, раздевайтесь вы.
А я перед сном помолиться должна.“
„Пусть будет так“, говорит Кристабель,
И как приказала леди — она
Разделась и легла в постель,
Легка, невинна и нежна.

Но о несчастьи и счастьи дум
Слишком много тревожило ум,
И никак Кристабель не могла заснуть.
Тогда на локоть она оперлась
И на постели слегка поднялась
Для того, чтобы на Джеральдину взглянуть.

Под лампою леди склонена,
Обводила тихо глазами кругом,
И глубоко вздохнув, она
Вся словно вздрогнула, потом
Распустила под грудью пояс свой.
Одежда упала к ногам легка...
Она стоит совсем нагой!
Взгляни: ее грудь, ее бока —
Это может присниться, но как рассказать?
О, спаси Кристабель, Христа благодать!

Джеральдина недвижна, она молчит,
Ах! Ее пораженный взор горит,
Как будто болезненным усильем она
Какую то тяжесть поднимает со дна,
И на девушку, медля, она глядит.
Но вот, словно вызов она приняла
Движеньем гордым головы
И рядом с девушкой легла
И в свои об'ятья ее взяла.
Увы, увы!

Печален взор и слышны едва
Ее слова:
„Кристабель, прикоснулась к тебе моя грудь,
Молчаливой, безвольной, отныне будь!
Ты узнаешь сейчас, будешь завтра знать
И скорби моей, и стыда печать;
Не все ли равно,
Ведь только одно
И знаешь ты:
Что в лесу, где мгла,
Ты на стон пошла
И встретила даму неземной красоты
И ее привела милосердно домой,
Чтоб спасти и укрыть от прохлады ночной“.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Зрелище можно ль найти милей,
Чем Кристабель, когда она
Под старым дубом молилась, одна
Среди зубчатых острых теней
От его безлистых мшистых ветвей,
Чем Кристабель в сияньи луны,
Шептавшая сладких молитв слова.
Ее сжатые руки так нежны,
Ее вздохи слышны едва-едва...
Открыто лицо для тоски и любви...
Из скорее блестящих, чем светлых глаз
Готов упасть слезы алмаз.

С глазами открытыми (горе мне!)
Кристабель во власти ужасного сна.
Но знаю я, что в ужасном сне
Лишь то, что было видит она.
Может ли быть? О горе и стыд!
Она ли молилась в чаще ракит!
Погляди: виновница этого зла
В свои об'ятья деву взяла
И может спокойно и сладко спать,
Словно с ребенком нежная мать!

Звезда закатилась, взошла звезда.
О Джеральдина, тот час, когда
Твои об'ятья стали тюрьмой
Для прелестной леди — тот час был твой!
В тот час над озером и горным ручьем
Птицы были об'яты сном,
Но теперь ликующий говор их
Ту-ху — летит от лесов густых
Ту-ху, ту-ху — до вершин крутых.

Взгляни же: леди Кристабель
Покидает медленно свое забытье,
Она подымается, опираясь на постель,
Грустен и томен вид ее.
Веки смыкаются и слез волна
Сквозь густые ресницы бежит, блестя,
И улыбается в то же время она,
Как при внезапном свете дитя.

Она улыбается и плачет — да,
Как юная отшельница в лесной тишине,
Прекрасная отшельница, что всегда
Твердит молитву наяву и во сне...
И если беспокойны движенья ее,
То лишь потому, что свободная кровь
К ее ногам приливает вновь.
Было сладко, конечно, ее забытье
Что же если б ангел ее был с ней
Если б она знала, что с ней ее мать?
Но одно она знает: близка благодать,
И святые помогут — лишь стоит позвать,
Ибо небо об'емлет всех людей!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„В загробный мир, —говорит барон, —
Нас призывает утренний звон."
Он эти слова впервые сказал,
Когда мертвой леди свою увидал.
Говорить он их будет каждый раз,
Пока не пробьет его смертный час.

Он обычай завел, незнакомый встарь,
Чтобы каждый день на заре звонарь,
Раскачивая тяжкий колокол свой,
Сорок пять четок перебрал рукой,
Меж двух ударов за упокой,
Чтоб слышал звон каждый сосед
От Уиндермира до Брета-Хэд.

Бард Бреси молвит: Звон хорош такой!
Ты, старый, заспанный звонарь,
Ударь, помолись и опять ударь!
Есть много звуков и разных див,

Чтобы заполнить перерыв.
Где Ленгдель-Пик и Ведьмин Скат
И Донжон-Гиль, заселенный зря,
В воздушный колокол звонят
Три многогрешных звонаря,
И вторят втроем один за другим
Мертвыми звонами звонам живым.
И часто звоном оскорблен,
Когда умолкнет их дин-дон,
Высмеивает Дьявол скорбную трель
И весело трезвонит за ним Бородель.

Воздух спокоен! Сквозь туман далеко
Слышен веселый этот трезвон;
Джеральдина с постели встает легко,
Уже стряхнув и ужас и сон.
Свое белое платье надела она,
Узел сплела волос густых
И будит Кристабель от сна,
Не сомневаясь в чарах своих.
„Вы спите, леди Кристабель?
Уж утро — пора покинуть постель!“

Кристабель проснулась. Стоит перед ней
Та, что рядом с нею ночь провела
Или та самая, верней,
Которую она под дубом нашла.
Еще красивей, еще милей,

Потому что выпита ею до дна
Полная чаша сладкого сна.
И так приветливы слова,
Так благодарен нежный взгляд,
Что (так казалось) кружева
Взволнованную грудь теснят.
Кристабель сказала: „Сомненья нет,
Я согрешила, я была неправа“,
И голос ее дрожал едва,
Хоть ласков был ее привет,
Но душа ее все же была смущена
Впечатленьем слишком живого сна.

Кристабель поспешно с постели встает,
Надевает платье и молитву творит.
Кто на кресте томился, Тот
Ее неведомый грех простит.
И леди Джеральдину ведет потом
Познакомить со старым своим отцом.

Кристабель с Джеральдиной идут вдвоем,
Проходят залой, сквозь ряд колонн
И, ступая между слугой и пажом,
Входят в покой, где сидит барон.

Встал барон, прижав Кристабель,
Ненаглядную дочь к груди своей
И, заметив леди, невиданную досель,

Глядит на нее, дивится ей.
И приличный столь знатной даме поклон
Посылает леди Джеральдине он.

Но, когда он услышал леди рассказ,
Имя отца ее узнал,
Почему сер Леолайн тотчас
Так бледен стал и повторял:
„Лорд Роланд де Во из Трайермен?“
Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея;
Лишь в небе верность суждена;
И юность напрасна, и жизнь мрачна;
И нами любимый бывает презрен;
И много на свете темных тайн.
Мне ясно, что произошло
Меж вами, лорд Роланд и сер Леолайн:
Словами презренья обменялись зло,
И оскорбленья выжгли в их душах любовь,
И они разошлись, чтоб не встретиться вновь.
Никогда не сойдутся они опять,
Чтоб снять с сердец тяжелый гнет,
Как утесы, будут они стоять
Далеко друг от друга, всю жизнь напролет.
Бурное море разделяет их,
Но ни зной, ни молнии, ни вечные льды
Не могут стереть в сердцах людских
Любви и дружбы былой следы.

Джеральдине в лицо поглядел барон
И долго всматривался он,
Сквозь сиянье нежной ее красоты
Молодого лорда узнавая черты.

О, тогда свои позабыл он лета.
В благородном сердце вскипела месть.
Он поклялся кровью из ран Христа,
Он пошлет повсюду об этом весть,
Он велит герольдам своим трубить,
Что те, кто ее посмел оскорбить,
Покрыты на век пятном стыда!
„А дерзнут они отрицать, — тогда
Герольд назначит неделю им,
Чтобы дать ответ моему мечу,
Пусть будет турнир судом моим.
Их змеиные души я выбить хочу
Из тел человечьих мечом моим!"

Так он сказал, с огнем в глазах —
Ибо леди обидели тяжко, а в ней
Он видит дружбу давних дней!
И вот лицо его в слезах
И он Джеральдину в об'ятья взял,
И встретила это об'ятье она,
И радостный взор ее сиял.
А дочь глядит, поражена
Виденьем тягостного сна.

Она содрогнулась; боль и страх
Промелькнули в ясных ее глазах
(О горе, горе, Кристабель,
Такие виденья знать тебе ль?)

Она снова увидела старую грудь,
Холодную грудь ощутила вновь,
Но имела лишь силу хрипло вздохнуть,
И барон, озираясь, поднял бровь,
Но увидел только свое дитя,
Стоявшее, взор к небесам обратя.

Виденье было, виденья нет,
Другое просияло вслед,
И стало отрадным виденье сна,
Что в об'ятьях леди провела она.
И внесло упоенье в душу, и вот
Глаза Кристабели и нежный рот
Засветились улыбкой!

Снова барон
„Что с тобою, дитя?“ спросил удивлен,
Она отвечала, когда он спросил,
„О нет, тревожного нет ничего“.
Должно быть, она не имела сил
Иначе сказать, побороть колдовство.

Но из тех, кто видел Джеральдину, любой
Решил бы, что с неба сошла она:
Она глядела с такой мольбой,
Как будто страхом была полна,
Что Кристабель огорчена!
И с такой печалью прекрасных глаз
Она умоляла назад, домой
Ее поскорей отправить...

„Нет!
Нет!“ Леолайн воскликнул в ответ.
„Бард Бреси, вот тебе приказ:
Иди ты с громкой, веселой трубой,
Двух лучших коней возьми с собой
И возьми одного из моих пажей,
Чтоб он ехал сзади с лютней твоей.
Нарядитесь оба в шелк и атлас
И скачите вперед, трубите в рог,
Да смотрите только, чтобы на вас
Не напали бродяги больших дорог.

Через Иртинг глубокий, скорей, скорей,
Мой веселый бард полетит вперед
Через Хэльгарский лес, вдоль Норренских болот
И увидит он крепкий замок тот,
Что стоит, грозя Шотландии всей.

Бард Бреси, Бард Бреси, твой конь быстроног,
Пусть несется конь, пусть рог звучит.
Не устанет конь, не замолкнет рог,
Лорду Роланду голос твой прокричит:
— В безопасности дочь твоя, о лорд,
Прекрасная дочь, хвала судьбе,
Сер Леолайн ее спасеньем горд
И тебя приглашает немедля к себе
Со всей многочисленной свитой твоей,
Чтоб ты мог Джеральдину домой увезти,
Он сам тебя будет встречать на пути
Со всей многочисленной свитой своей,
На множестве резвых вспененных коней!
И я поклясться честью готов,
Что сердцу горше многих измен
Тот день, когда несколько злобных слов
Я сказал лорду Роланду из Трайермен.
Ибо с той поры много видел я,
Пролетело много солнечных смен,
Но заменят ли мне все мои друзья
Одного лорда Роланда из Трайермен.“

Его колени руками обняв,
Джеральдина склонилась, прекрасна, как свет,
И Бреси, всем привет послав,
Дрогнувшим голосом молвил в ответ:
„Твои слова, благородный барон,
Слаще звучат, чем лютни звон;

Но прошу как милости я, господин,
Чтоб не сегодня отправились мы,
Потому что видел я сон один
И дал обет, святые псалмы
Пропеть в лесу, чтоб изгнать из него
Виденье странного сна моего.
Ибо видел во сне я в эту ночь
Птицу, что радует сердце твое,
Этой горлицы имя Кристабель, твоя дочь,
Сер Леолайн, я видел ее!
Трепетала и странно стонала она
Средь зеленых дерев — совсем одна.
Я увидел ее и был удивлен,
Что вызвать могло этот жалобный стон,
Ибо я ничего не видел кругом,
Кроме травы под старым стволом.

И тогда я пошел вперед, ища
Причину смятенья птицы той,
Что лежала, нежная, передо мной,
В траве крылами трепеща.
Я глядел на нее и не мог понять,
Что значит ее жалобный крик,
Но я наклонился, чтобы птицу взять,
Ради нашей леди, и в этот миг
Я увидел, что блестящая зеленая змея
Обвилась вокруг крыльев и шеи ее,
Яркой зеленью споря с травой

К голове голубки прильнув головой.
Она шевелилась, вкруг птицы обвита,
Вздувая свою шею, как вздувала та.

Проснулся... Был полночный час,
На башне часы прозвонили как раз.
Дремота прошла, но во тьме ночной
Непонятный сон все витал надо мной.
Он в моих глазах до сих пор живет,
И я дал обет лишь солнце взойдет,
Отправиться в лес, помолившись вперед
И там пропев святые слова,
Рассеять чары колдовства.“

Так Бреси сказал, его рассказ,
Улыбаясь рассеянно, слушал барон.
Не спуская полных восторга глаз
С леди Джеральдины, промолвил он:
„О горлица нежная, лорда Роланда дочь,
Тут арфой и пеньем псалмов не помочь,
Но с лордом Роландом, вашим отцом,
Мы другим оружьем змею убьем“.
Ее он в лоб поцеловал,
И Джеральдина глаза отвела,
Скромна, по девичьи мила,
И румянец щек ее пылал,
Когда от него она отошла.
Она перекинула шлейф свой

Через левую руку правой рукой
И сложила руки, сомкнула уста,
Голову склонила на грудь себе
И взглянула искоса на Кристабель —
О защити ее Матерь Христа!
Лениво мигает змеиный глаз;
И глаза Джеральдины сузились вдруг;
Сузились вдруг до змеиных глаз,
В них блеснуло злорадство, блеснул испуг.
Искоса бросила взгляд она,
Это длилось только единый миг,
Но смертельным ужасом вдруг сражена,
Кристабель глухой испустила крик,
Зашаталась земля под ее ногой,
А леди к ней повернулась спиной
И, словно ища поддержки себе,
На сера Леолайна, в немой мольбе,
Она обратила свет лучей
Божественных, диких своих очей.

У тебя, Кристабель, в глазах темно,
И вот ты видишь только одно!
И какая сила в том взоре была,
Если, прежде не знавшие лжи и зла,
Так глубоко впитали взоры твои
Этот взгляд, этот суженный взгляд змеи,
Что стало покорно все существо,
Весь разум твой, колдовству его!
Кристабели взор повторил тот взгляд,
Его тупой и предательский яд.
Так, с кружащейся в смутном сне головой,
Стояла она, повторяя его,
Этот взгляд змеиный, взгляд косой,
Перед самым лицом отца своего,
Насколько та, чья душа светла,
Змеиный взгляд повторить могла.

Когда же чувства вернулись к ней,
Она, молитву сотворя,
Упала к ногам отца, говоря:
„Умоляю вас матери ради моей
Эту женщину прочь от нас отослать."
Вот и все, что она могла сказать,
Потому что о том, что знала она,
Передать не могла, колдовством больна,

Почему так бледна твоя щека,
Сер Леолайн? Дитя твое,

Твоя гордость и радость, нежна и кротка,
У ног твоих. Услышь ее!
Для нее ведь леди твоя умерла,
О призраке вспомни ее дорогом,
О ребенке своем не думай зла.
О тебе и о ней, ни о ком другом,
Она молилась в предсмертный час,
О том, чтоб она тебе была
Гордостью сердца, радостью глаз!
И с этой мольбой был ей легок конец,
Отец, отец!
Обидишь ли ты дитя свое —
Свое и ее?

Но если так и подумал барон,
Если это и было в сердце его,
Еще сильней разгневался он,
Еще больше смутился, как раз оттого.
Его злобе, казалось, предела нет,
Вздрагивали щеки, был диким взор:
От родного ребенка — такой позор!
Гостеприимства долг святой
К той, чей отец его давний друг,
В порыве ревности пустой
Так малодушно нарушить вдруг!

Суровым взглядом повел барон
И сказал своему менестрелю он,

Раздраженно, резко ему сказал:
„Бард Бреси, я тебя послал!
Чего ж ты ждешь?“ Поклонился тот,
И, дочери взгляда не бросив родной,
Сер Леолайн, рыцарь седой,
Леди Джеральдину повел вперед!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ

Маленький ребенок, слабый эльф,
Поющий, пляшущий для себя самого,
Нежное созданье, краснощекий эльф,
Нашедший все, не ища ничего,
Наполняет радостью наши сердца,
Делает светлым взор отца!
И радость так полна и сильна,
Так быстро бьет из сердца она,
Что избыток любви он излить готов
Непреднамеренной горечью слов.
Быть может прекрасно связать меж собой
Мысли чуждые одна другой,

Улыбаться над чарами, чей страх разбит,
Забавляться злом, которое не вредит,
Быть может прекрасно, когда звучат
Слова в которых слышен разлад,
Ощущать, как в душе любовь горит.
И что ж, если в мире, где грех царит
(Если б было так — о горе и стыд),
Этот легкий отзвук сердец людских
Лишь от скорби и гнева родится в них,
Только их языком всегда говорит!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэма „Кристабель“ появилась впервые в печати в 1816 году, вместе с двумя поэтическими фрагментами: „Kubla Khan“ и „The Pains of Sleep“. В предисловии к первому изданию, Кольридж указывает на то, что первая часть ее была написана в 1797 году, а вторая в 1800. Таким образом между временем написания дошедших до нас отрывков и их опубликованием прошло целых шестнадцать лет. Втечение этого времени Кольридж нераз возвращался к мысли о завершении своей поэмы, но по каким то странным и не совсем понятным причинам он так и не взялся за перо, чтобы дописать „Кристабель“. Во всяком случае не может быть сомнений в том, что уже в 1797 году у него был определенный план построения поэмы, о котором сообщает Джильман в своем „Жизнеописании Кольриджа“, со слов самого поэта. Согласно этому плану, помимо написанных двух песен, поэма должна была заключать еще две, содержание которых приблизительно сводилось к следующему:

„Исполняя поручение барона, Бард Бреси спешит со своим пажем через горы, но ему удается лишь найти место, на котором некогда стоял гордый замок лорда Роланда, так как самый замок уничтожен наводнением, столь обычным в этих местах. Он решает вернуться обратно. Джеральдина, узнав о происшедшем исчезает, подобно вещим сестрам из „Макбета“. Она однако появляется снова, выжидая возвращения Барда и стараясь своими чарами пробудить в сэр Леолайне гнев и ревность, как это ей уже однажды удалось сделать. Наконец Бард и его спутник приезжают. Джеральдина не может дольше выдавать себя за дочь лорда Роланда и принимает образ жениха Кристабели. Последняя, к своему ужасу, замечает, что ее возлюбленный внушает ей чувство отвращения. Ее холодность причиняет большие страдания ее старому отцу, который, разумеется, так же мало как и она распознает в своем будущем зяте оборотня-искусителя. Склоняясь на его мольбы, она наконец решается пойти к алтарю с ненавистным ей женихом. Во время брачной церемонии появляется однако настоящий жених, которого узнают по его обручальному перстню. Посрамленный демон исчезает и, согласно предсказанию, замковый колокол начинает звучат сам собой, и слышится голос матери Кристабели, благословляющий дочь на счастливую жизнь. Следует веселая свадьба и примирение отца с дочерью“.

Отдавая дань современному увлечению „готическими“ сюжетами, Кольридж и в внешней форме

своей поэмы приблизился к средневековым образцам. Размер, которым написана „Кристабель“ повторяет четырехударный размер позднего англосаксонского эпоса, которым в шестнадцатом веке воспользовался Спенсер во второй эклоге своего „Пастушьего Календаря“. Количество слогов в каждой строке произвольно меняется, но основным остовом всей композиции остается непременное повторение четырех ударений. Допускаемое, благодаря этому, большое разнообразие ритмов дало возможность Кольриджу добиться огромного богатства звуковых эффектов, в отношении которых он действительно может претендовать на новаторство, о чем он и возвестил в последних строках своего предисловия, к немалому возмущению современной и позднейшей критики, обвинявшей его в том, что он не захотел назвать послужившие ему образцы.

Передача „Кристабели“ на русский язык представляет большие трудности в виду того, что принципы ее стихосложения необычны для русского языка. Стихотворная редакция печатаемого выше перевода принадлежит Н. С. Гумилеву и М. Л. Лозинскому.

Отпечатано в типографии Зинабург и Ко. в Берлине в феврале 1923 года для книгоиздательства „Петрополис“.